

Правовой статус Каспийского моря в контексте проблем текущего этапа развития отношений между странами «Каспийской пятерки»

Б. В. Зембатова

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права
Российской таможенной академии;
ведущий научный сотрудник Центра международных финансов
Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов России.
Адрес: ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»,
140009, Московская область, город Люберцы, Комсомольский проспект, д. 4;
ФГБОУ «Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов России»,
127006, Москва, Настасьинский переулок, д. 3, строение 2.
E-mail: bella_zematova@mail.ru

The Legal Status of the Caspian Sea in the Context of the Problems of the Current Stage of Development of Relations between the Countries of the "Caspian Five"

B. V. Zematova

PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law
of the Russian Customs Academy;
Leading Researcher of the Center for International Finance Research
of the Financial Institute of the Ministry of Finance of Russia.
Address: Russian Customs Academy, 4 Komsomolsky Avenue, Lyubertsy, Moscow Region, 140009,
Russian Federation;
The Federal State Budgetary Institution, 3 Nastasinsky per., building 2, Moscow, 127006,
Russian Federation.

Аннотация

В статье обосновывается объективная необходимость правового регулирования взаимодействия Прикаспийских государств по освоению ресурсов Каспия как исходного, основополагающего начала, сбалансированного по интересам экономического сотрудничества. При написании статьи использовались общие методы научного познания. Цель статьи – представить обоснование исходных позиций анализа влияния действующего правового регулирования взаимоотношений на формирование основных проблем сотрудничества Прикаспийских государств в инвестиционной сфере и ключевых отраслях (энергетике, торговле, транспорте и др.). Реализация указанной цели осуществлена на основе анализа нормативных правовых актов, принятых Прикаспийскими государствами и призванных регулировать взаимодействие на Каспии по использованию его ресурсов в контексте текущего этапа развития отношений между ними, который позволил выявить в качестве основной причины формирования экономических проблем сотрудничества Прикаспийских государств неопределенность правового статуса Каспия. Результаты осуществленного анализа позволили обосновать подходы к формированию правовых основ прикаспийского экономического сотрудничества и применить их при установлении содержания необходимого понятийного аппарата и принципов формирования норм, регулирующих правовой статус Каспия, предложенных в качестве главных элементов отсутствующих основ текущего правового регулирования сотрудничества Прикаспийских государств – собственников Каспийского моря и его ресурсов.

Ключевые слова: Каспий как объект права; правовой статус Каспия; страны «Каспийской пятерки» как субъекты Каспия и его ресурсов; принципы формирования правового регулятора отношений по поводу владения, использования и распоряжения Каспием как неделимым объектом права.

Abstract

This article is devoted to the substantiation of the objective necessity of legal regulation of the interaction of the Caspian states in the development of the resources of the Caspian Sea as the initial, fundamental beginning of economic cooperation balanced in terms of interests. When writing the article, general methods of scientific

knowledge were used. The purpose of the article is to provide a rationale for the starting positions of the analysis of the influence of the current legal regulator of relations on the formation of the main problems of cooperation between the Caspian states in the investment sphere and key sectors (energy, trade, transport, others). The implementation of this goal was carried out on the basis of an analysis of the regulatory legal acts adopted by the Caspian states and designed to regulate interaction in the Caspian on the use of its resources in the context of the current stage of development of relations between them, which made it possible to identify the uncertainty of the legal status of the Caspian as the main reason for the formation of economic problems of cooperation between the Caspian states. The results of the analysis made it possible to substantiate approaches to the formation of the legal foundations of the Caspian Sea economic cooperation and apply them in establishing the content of the necessary conceptual apparatus and principles for the formation of norms governing the legal status of the Caspian Sea, proposed as the main elements of the missing foundations of the current legal regulation of cooperation between the Caspian Sea states - owners of the Caspian Sea and his resources.

Keywords: The Caspian as an object of law, the legal status of the Caspian, the countries of the "Caspian Five" as owners of the Caspian and its resources, the principles of forming a legal regulator of relations regarding the possession, use and disposal of the Caspian as an indivisible object of law.

В настоящее время Каспийский регион представлен не двумя государствами (Ираном и СССР), как прежде, а странами «Каспийской пятерки», среди которых Иран и новые государства: Азербайджан, Казахстан, Туркменистан и Россия как правопреемник СССР. Общая недавняя история новых Прикаспийских государств неизбежно их и роднит, и разъединяет, что проявляется в различии целей взаимодействия по использованию ресурсов Каспия, обусловленных непримиримыми интересами, с одной стороны, и их объективной взаимозависимостью как собственников Каспия – с другой. Неизбежность взаимодействия Прикаспийских государств как равноправных, независимых, свободных в волеизъявлении по владению, пользованию и распоряжению ресурсами Каспия диктует объективную необходимость установления правового статуса Каспия как правового основания такого взаимодействия.

С самого начала истории отношений Прикаспийских государств (с момента распада СССР)

они декларировали полное единство в вопросе значимости установления правового статуса Каспия как исходного начала для разрешения болезненных для всех Прикаспийских стран проблем использования его ресурсов.

Понадобилось более 22 лет для принятия Конвенции о правовом статусе Каспия в 2018 г. (далее – Конвенция 2018)¹, которая не стала необходимым и достаточным правовым основанием, способным обеспечить надлежащий баланс интересов взаимодействующих собственников Каспия. Приведенное заключение является результатом анализа официальных материалов² (деклараций; коммюнике; нормативных актов, принятых Прикаспийскими государствами, в том числе на саммитах глав Прикаспийских государств, двусторонних соглашений о разделе дна и недр Каспия между соседними прибрежными государствами (далее – Соглашения о разделе дна и недр 1998, 2001 и 2002 гг.)³, положений Конвенции 2018; материа-

¹ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря от 12 августа 2018 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения: 02.06.2022).

² За указанный период состоялось пять саммитов глав Прикаспийских государств, были заключены двусторонние соглашения между соседними прибрежными государствами о разделе дна и недр Каспия. При этом в формировании подходов к установлению правового статуса Каспия участвовали политологи, руководители и представители соответствующих министерств и ведомств пяти Прикаспийских государств, частные нефтяные компании, занимающиеся разработкой месторождений углеводородов на Каспии, представители международных организаций, внерегиональных государств.

³ Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 г. – URL: <https://zakonbase.ru/content/base/48651> (дата обращения: 02.06.2022); Соглашение между Республикой Казахстан и Азербайджанской Республикой о разграничении дна Каспийского моря между Республикой Казахстан и Азербайджанской Республикой от 29 ноября 2001 г. и Протокол к Соглашению 2001 г. от 27 февраля 2003 г. – URL: https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=1039417 (дата обращения: 02.06.2022); Соглашение между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря от 23 сентября 2002 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3806> (дата обращения: 02.06.2022).

лов, содержащих сведения о процессе подготовки Конвенции 2018 и положения об общих подходах к правовому регулированию отношений по совместному владению и использованию Каспия).

Проведенный анализ позволил прийти к заключению, что установление правового статуса Каспия являлось декларируемой, а не реальной целью формирования правовых основ сотрудничества Прикаспийских государств, поскольку их действительные намерения и предпринимаемые по их реализации действия определялись практическим непризнанием за правовым статусом Каспия его истинного назначения, т. е. правовой статус Каспия был не искомым, а заданным¹.

Проблема взаимодействия Прикаспийских государств как обобщенная проблема всех частных проблем является правовой, а точнее – проблемой неопределенности регулирующих правовых начал такого взаимодействия и прежде всего неопределенности правового статуса Каспия. Названная правовая проблема была рассмотрена на основе постатейного анализа основных нормативных правовых актов, принятых за более чем двадцатилетний период, а именно двусторонних соглашений 1998, 2001, 2002 гг. и Конвенции 2018. Анализ содержал обоснование следующих исходных позиций рассмотрения указанных международных нормативных правовых актов, а именно обоснование объективной необходимости установления положениями Конвенции о правовом статусе Каспия:

- понятийного аппарата, включающего такие исходные понятия, как «Каспий как объект права», «правовой статус Каспия», «правовой статус прибрежного государства как сособственника Каспия»;

- принципов формирования правового регулятора отношений Прикаспийских государств по поводу владения, использования и распоряжения Каспием как природным водным объектом, находящимся в их общей доленой собственности.

В результате проведенного анализа были обоснованы требования к содержанию понятий «Каспий – объект права», «правовой статус Каспия», «правовой статус прибрежных государств как сособственников Каспия» и сформулированы

определения содержания названных понятий. Были также обоснованы подходы к установлению содержания положений международного нормативного правового акта, устанавливающего правовой статус Каспия, определяющие принципы формирования правового регулятора отношений по поводу владения Каспием и его использования как природного водного объекта, находящегося в общей доленой собственности пяти Прикаспийских государств и соответствующие обоснованным подходам принципы как требования к нормам, регулирующим правовой статус Каспия. Принципы формирования норм, регулирующих правовой статус Каспия, диктуют следующие требования к нормам Конвенции о правовом статусе Каспия:

- нормы должны содержать признаки, устанавливающие Каспий как объект права общей доленой собственности всех его сособственников;

- формирование норм, регламентирующих права сособственников на доли ресурсов Каспия в праве общей собственности, должно быть основано на неразделимости воды, дна, биоресурсов, ресурсов недр, воздушного пространства;

- положения, закрепляющие доли каждого государства в праве общей собственности на ресурсы Каспия, должны быть подкреплены положениями, регламентирующими порядок реализации установленных прав Прикаспийских государств на долю в праве общей собственности на Каспий: положение, устанавливающее право доленой собственности и не предусматривающее возможность реализации предоставляемого права, не является по существу установленным правилом.

Одним из основных признаков принципов правового регулирования является непреложность их исполнения, что для положений Конвенции 2018 означает недопустимость их несоответствия указанным принципам, поскольку изначально обрекает эти положения на неисполнение и недостижение цели, ради которой и формировался правовой регулятор.

Соотнесение установленных принципов формирования правового регулирования отношений

¹ Ярким доказательством справедливости приведенного утверждения являются высказывания Г. Алиева, выразившие оценку значимости правового статуса Каспия не только Азербайджаном, но и остальными Прикаспийскими государствами: «Отсутствие на сегодняшний день единого международного правового статуса Каспия не должно препятствовать осуществлению прибрежными государствами своих суверенных прав на соответствующую долю моря и не может

служить основанием для прекращения разработки природных ресурсов моря в уже сложившихся соответствующих секторах» [3]. Примеры правового нигилизма, допускаемого всеми Прикаспийскими государствами и проявляющегося во взаимном нарушении прав, зафиксированы в заключенных и действующих соглашениях о добыче нефти и газа с вне-региональными компаниями на спорных месторождениях.

сособственников Каспия с положениями Конвенции 2018 и другими нормативными правовыми актами, претендующими на правовое регулирование отношений Прикаспийских государств по использованию ресурсов Каспия, позволило прийти к общему заключению – первопричиной проблем взаимодействия Прикаспийских государств в энергетической сфере (разведке и добыче углеводородов, газа, иных ресурсов на Каспии) и связанной с ней сферой транспортной инфраструктуры, в том числе прокладкой газо- и нефтепроводов, организацией рыбного промысла, сохранением биоресурсов и установлением устойчивого баланса экосистемы Каспия в целом, созданием безопасных условий судоходства и др. является отсутствие правового регулятора, устанавливающего правовой статус Каспия.

Первое на что, в соответствии с обоснованными принципами было обращено внимание – это отсутствие понятия «правовой статус Каспия», которое не определено ни в понятийном аппарате, ни в преамбуле, ни в каком-либо отдельном положении Конвенции 2018. Кроме того, ни на одном саммите по Каспию, ни в одном документе, принятом в порядке подготовки к заключению Конвенции 2018, вопрос о содержании понятия «правовой статус Каспия» не рассматривался. В целом положения Конвенции 2018 не представляют собой систему правовых норм, закрепляющих права каждого Прикаспийского государства на долю в праве общей собственности на Каспий и регулирующих порядок совместного владения, пользования и распоряжения природным водным объектом собственниками, т. е. не устанавливают правовой статус Каспия. При этом следует обратить особое внимание на то, что в Конвенции 2018 Каспий не был определен как водный объект, т. е. не была установлена его принадлежность к морю или озеру, что и обусловило неустановленность его как объекта права собственности, а именно объекта прав общей долевой собственности.

Второе положение, требующее соотнесения с обоснованными принципами, – это положение, определяющее назначение и содержание Конвенции 2018. Так, норма статьи 2 Конвенции 2018 устанавливает, что стороны (Прикаспийские страны) реализуют суверенитет, суверенные и исключительные права, осуществляют юрисдикцию в Каспийском море. В приведенном положении использованы общеупотребимые термины, имеющие устоявшуюся смысловую нагрузку, которая

понятийным аппаратом Конвенции 2018, содержащемся в статье 1, не изменена. В связи со сказанным невозможно не признать, что, если относительно положения о реализации суверенитета (статья 1) можно ограничиться указанием на его избыточность при одновременной невнятности, то положение о реализации суверенных и исключительных прав требует рассмотрения на предмет его соответствия требованиям юридической техники, определенности и исполнимости. Очевидно, что правовая норма поведения субъекта права должна отвечать требованиям ясности, недвусмысленности, в связи с чем формулировка надлежащего правила о реализации прав без указания на то, что это за права и на какие объекты прав они распространяются, правилом быть не может.

Приведенная оценка справедлива и для положения статьи 2, устанавливающего возможность в соответствии с Конвенцией осуществлять юрисдикцию в Каспийском море. Юрисдикция государства в международном праве в самом общем смысле означает полномочия государства решать правовые вопросы, давать правовую оценку фактам, действиям, событиям. Смысловая нагрузка установленного в части 1 статьи 2 Конвенции 2018 положения об осуществлении государством полномочий по решению правовых вопросов в Каспийском море очевидно не отвечает требованиям ясности, недвусмысленности и потому исполнимости. Конструкция статьи 2, по всей видимости, предполагала установление в первой части статьи сферы действия положений Конвенции 2018 в самом общем виде, а во второй – конкретизацию этих общих положений о праве. Однако часть 2 статьи 2 очевидно логически не связана с частью 1 этой же статьи. Кроме того, если конструкция статьи была задумана именно как приведенное предположение, то следует признать, что это не только не лучшее решение, но недопустимое для правовой нормы, в силу неопределенности ее правового содержания.

Следующее положение, требующее рассмотрения на предмет соответствия обоснованным выше принципам, – это положение, устанавливающее права и обязательства сторон в отношении использования Каспийского моря, включая его воды, дно, недра, иные природные ресурсы и воздушное пространство над морем.

Часть 2 статьи 2 Конвенции 2018 определяет права и обязательства в отношении только исполь-

зования ресурсов Каспия (водных и иных, дна, воздушного пространства). При этом, как следует из формулировки части 2 статьи 2, по существу, она содержит определение содержания Конвенции 2018. Поскольку название Конвенции 2018 прямо указывает на назначение Конвенции, то можно заключить, что правовой статус Каспия – это права и обязательства в отношении использования ресурсов Каспия. Но в этом случае неизбежно следует признать несоответствие установленного назначения Конвенции 2018 ее названию. Кроме того, приведенное определение содержания правового статуса Каспия не соответствует содержанию ни родового понятия «правовой статус», ни видового понятия «правовой статус объекта» по известным правовым основаниям, в силу которых права использования Каспия каждого из Прикаспийских государств могут определяться только на основе согласованно установленного ими порядка пользования долями ресурсов Каспия, принадлежащими им на праве общей собственности.

Право использования объектов материального мира – одно из трех правомочий собственности, которое наряду с владением и распоряжением отражает правомочия собственника. Кроме того, правом пользования могут обладать и не собственники, например, арендаторы. Но права использования Каспия принадлежат Прикаспийским государствам именно как собственникам, а точнее, как сособственникам природного водного объекта, т. е. как обладателям долей в праве общей собственности на Каспий как на неделимый объект права.

Иными словами, право использования Каспия каждым Прикаспийским государством является производным от установления долей в праве общей собственности. Таким образом, определение содержания правового статуса Каспия, установленное статьей 2 Конвенции 2018 как права и обязательства сторон в отношении использования Каспийского моря, недопустимо искажает содержание правового статуса Каспия, сужая его до одного из правомочий собственников, и потому становится препятствием для формирования надлежащего, т. е. соответствующего требованиям правовой реальности, правового регулятора отношений стран Прикаспийской пятерки как сособственников Каспия.

Обоснованность приведенного утверждения подтверждается историей взаимодействия пяти Каспийских государств от момента появления но-

вых собственников до заключения рассматриваемой Конвенции 2018 и продолжающейся по сей день как непрерывная череда споров в первую очередь о правах на долю в общем праве собственности, предстоящих на поверхности правовых явлений как споры о разделе дна, недр, водной толщ Каспия.

Анализ положений Конвенции 2018 с обоснованных позиций дает основание утверждать, что именно неопределенность содержания понятия «правовой статус Каспия» обусловила как невнятность содержания статьи 2 Конвенции 2018, так и отсутствие положений, закрепляющих права собственников Каспия на доли в праве общей собственности на Каспий как на единый объект права. Отсутствие ясно и недвусмысленно определенных прав на доли в общей собственности на неделимое единство воды, дна, недр, иных ресурсов и воздушного пространства и до принятия Конвенции 2018, и в ходе ее подготовки, не устранило объективной необходимости – неизбежности выделения долей каждого государства в праве общей собственности. Конвенция 2018, устанавливая положения об использовании ресурсов Каспия, не определяя при этом должным образом права Прикаспийских государств на их доли в праве, не может игнорированием таких прав освободить использование как одно из правомочий собственника от неразрывной его связи с объектом этого использования. Разорвать указанную связь можно умозрительно, но на то она и объективная связь, чтобы при любых условиях присутствовать в норме под другим именем, ясно не установленная, но неизбежно упоминаемая. Объективная связь между неразделимыми правомочиями собственника, а именно: правомочиями владения, пользования и распоряжения объектом права вопреки воле ее авторов обусловила присутствие в нормах Конвенции 2018 не установленных, а деклараций о праве на долю каждого Прикаспийского государства в праве общей собственности на ресурсы Каспия. И то, что авторами Конвенции 2018 они не названы правом на доли каждого государства в праве общей собственности на Каспий, т. е. они в качестве таковых в Конвенции 2018 не определены, не меняет того неоспоримого факта, что разграничение водной толщи на внутренние и территориальные воды, рыболовные зоны, является не чем иным, как выделением долей водной толщи, право на которую закрепляется положением об юрисдикции каждого Прика-

спийского государства в 15-мильной зоне, составляющей ширину территориальных вод, внешняя граница которых является также государственной границей. Статья 9, декларирующая установление ширины рыболовной зоны в качестве линии отсчета, опирается на границу территориальных вод, определенную в результате выдела водной толщи Каспия как суверенного водного пространства каждого Прикаспийского государства.

Границы территориальных вод каждого Прикаспийского государства зафиксированы именно в результате выдела долей водной толщи и используются для определения площади водного пространства, на которую распространяется юрисдикция государства (статья 12 Конвенции 2018). Именно территориальные воды как доли водной толщи каждого государства, несмотря на то, что они в качестве таковых в Конвенции 2018 не определены, являются объектом права долевой собственности в праве общей собственности на Каспий. Только потому, что рассматриваемый выдел фактически не установлен, но провозглашен, и выдел доли дна и недр, а декларируют раздел дна и недр Каспия. Это и породило проблемы взаимодействия Прикаспийских стран в части установления долей каждого из государств, в том числе на дно и недра и в целом на биоресурсы, и, как следствие такой неустановленности, обусловило отсутствие реального порядка пользования государствами своими долями Каспия как правомерного и обоснованного правового средства реализации права собственников.

Отказ авторов Конвенции 2018 от признания правовой реальности, согласно которой статус Прикаспийских государств как владельцев, пользователей и распорядителей своими долями Каспия непреложен и неизменен, не может ее отменить. Но отсутствие в Конвенции 2018 положений, надлежащим образом устанавливающих права каждого государства на доли в общей собственности на ресурсы Каспия, обусловило возможность существования не только малограмотной с точки зрения права, но и неисполнимой исходной позиции о необходимости разного подхода к разделению воды, дна и недр Каспия как неразделяемого водного объекта, а также возможность предпринимать безуспешные попытки реализовать звучный

возможна декларация порядка судоходства и использование территориальных вод одного государства другим как транзитным водным пространством (статья 10 Конвенции 2018), а также декларация порядка прохода военных кораблей, подводных лодок и других подводных транспортных средств, установление условий, обеспечивающих безопасность и судоходства и прибрежных территорий каждого Прикаспийского государства (статья 11 Конвенции 2018 г.).

Положения Конвенции, декларирующие регулирование только как использование ресурсов Каспия, фактически притязают на регулирование выдела долей дна и недр Прикаспийских государств. И то, что доли дна и недр Каспия в Конвенции 2018 названы секторами, не меняет сути действий, направленных на установление доли дна и недр каждого государства в праве общей собственности. При этом необходимо еще раз подчеркнуть, что положения статьи 8, частей 2, 3 статьи 12, части 2 статьи 13, частей 3, 4 статьи 14 Конвенции 2018, не устанавливая такие права на лозунг «Дно делим, вода общая». Соглашения о разделе дна и недр Каспия, заключенные до принятия Конвенции 2018 (соглашения о разделе дна и недр 1998, 2001 и 2002 гг., к которым отсылают ее положения, декларирующие порядок раздела дна и недр Каспия между его собственниками, принимались без учета неизменяемой никакими договоренностями данности о невозможности разъединить дно и воду Каспия. При этом важно отметить, что в период подготовки Конвенции 2018 и на момент ее принятия, неэффективность указанных двусторонних соглашений о разделе дна и недр Каспия была доказана многочисленными тщетными попытками реализовать декларируемые в них договоренности, приводящие к неразрешимым конфликтам между собственниками¹ [2; 5]. Заслуживает внимания и тот факт, что на первом Каспийском экономическом форуме, прошедшем в Туркмении в 2019 г., на встрече глав кабинетов министров пяти Каспийских государств, вопрос о реализации положений Конвенции 2018 не был включен в повестку дня и даже не упоминался ни в одном из выступлений [4].

Второй Каспийский экономический форум должен был состояться в 2020 г., но из-за известных

¹ Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 г. – URL: <https://static.president.az/media/W1siZiIsIjIwMTkvMTIvMDQvNjdvbm8wNTJ2bF9rb25zdHV0aXN5YV9ydXNfdXBkYXRILnBkZiJdXQ?sha=6f0a333c8a816eee> (дата обращения: 15.06.2022); Закон Туркмении от 4 мая 2013 г.

№ 389-IV «О государственной границе Туркменистана» // Законодательство стран СНГ. – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=72299 (дата обращения: 15.06.2022).

событий был перенесен на 2022 г. Из анонсированной Министерством иностранных дел Российской Федерации повестки форума, который должен состояться в Москве во второй половине октября, следует, что основными темами обсуждения будут торгово-экономическое сотрудничество «Каспийской пятерки», взаимодействие стран – участников в сфере транспорта, энергетики, туризма, экологии. Таким образом, вопросы правового статуса Каспия уже в части реализации положений Конвенции 2018, так же, как и на предыдущем форуме, не будут предметом обсуждения [1].

В сложившейся ситуации остается надеяться на единственного объективного арбитра – правовую реальность, которая продемонстрирует свою неодолимую силу по принуждению Каспийских государств совершить неизбежные шаги в двух генеральных направлениях: закрепить положение Каспия как объекта прав собственников для согласованного установления прав долевой собственности Прикаспийских государств на ресурсы Каспия; сформировать порядок реализации установленных прав собственников на основе баланса их прав и законных интересов.

Список литературы

1. Второй каспийский экономический форум намечен на вторую половину октября. – URL http://kaspnirh.vniro.ru/novosti_kaspiya/2022-05-31/2049/ (дата обращения: 22.06.2022).
2. Громов А. Конфликт между Туркменией и Азербайджаном вокруг спорных месторождений на Каспии. 22 ноября 2016г. – URL: <https://vector-eurasia.org/internal/project-analyst/35/104/> (дата обращения: 15.06.2022).
3. Как разделить каспийскую нефть? – URL: <http://www.caspiy.net/dir3/west/4html>
4. Каспийский экономический форум: более полезен, чем может показаться. – URL: <http://casp-geo.ru/kaspijskij-ekonomicheskij-forum-bolee-polezen-chem-mozhet-pokazatsya-klub-valdaj/> (дата обращения: 22.06.2022).
5. Нефтяные и газовые проекты Азербайджана. – URL: <https://ru.president.az/azerbaijan/contract> (дата обращения: 15.06.2022).